

В. П. Кузнецова

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ПУДОЖЬЯ

Изучение свадебной обрядности Пудожья началось в середине XIX в. Произведения свадебной обрядовой поэзии этого края стали появляться в печати в 1860-е гг. в записях П. Н. Рыбникова, Е. В. Барсова¹. Они содержатся и в таких известных изданиях, как «Великорус в своих обрядах...» П. В. Шейна, «Песни русского народа» Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша². Среди наиболее крупных публикаций, содержащих описание обряда и тексты, можно назвать статьи Н. Кофырина³ и И. В. Колобова⁴. Свадебный обрядовый фольклор Пудожья записывали участники различных экспедиций на протяжении многих десятилетий. Наибольшее количество материалов по пудожской свадьбе находится в научном архиве Карельского научного центра РАН. В 1937 г. были сделаны записи от двух великолепных сказителей Пудожья – Ф. А. Конашкова и А. М. Пашковой. Ф. А. Конашков прекрасно знал и исполнял приговоры вершника, был постоянным участником свадеб, а

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Петрозаводск, 1991. Т. 3. С. 80–88; *Б-р-ов Е.* Пудожские свадебные причитанья // Олонецкие губернские ведомости (далее – ОГВ). 1867. 11, 18 февраля.

² Великорус в своих обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. / Сост. П. В. Шейн. СПб., 1900. С. 485–492; *Истомин Ф.М., Дютти Г.О.* Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб., 1894.

³ *Кофырин Н.* Свадебные обряды и обычаи в с. Песчаном Пудожского уезда // ОГВ. 1899. 3, 6, 10, 27 ноября, 4, 8, 15 декабря; 1900. 6, 8, 11 января.

⁴ *Колобов И. В.* Русская свадьба Олонецкой губ., Пудожского уезда, Корбозерской волости // Живая старина. 1915. С. 54–62

А. М. Пашкова славилась как мастер исполнения свадебных причитаний и знаток свадебной обрядности. Особенно интенсивно Пудожский край изучался сотрудниками Карельского научного института культуры в 1938–1941 гг. и с 1945 по 1980-е гг. В г. Пудож, Шальский, Авдеевский и Каршевский сельсоветы, п. Колово, с. Песчаное, д. Рагнозеро и Рындозеро и на Водлозеро выезжали М. М. Михайлов, К. В. Чистов, В. Р. Дмитриченко и другие собиратели. Им удалось записать большое количество произведений свадебного обрядового фольклора наряду с другими жанрами. Были найдены отличные мастера исполнения свадебных причитаний, песен, такие как М. П. Лашинина, А. П. Фомина, С. С. Фофанова, П. М. Савинкова (Семкина). За многие годы собран богатый материал, который позволяет сделать некоторые обобщения в отношении и обрядового фольклора, и состава всей свадебной обрядности Пудожья. В целом этот край, понимаемый как территория расселения одной из севернорусских этнографических групп, имеющей свои особенности в говоре и культурно-хозяйственном укладе, совпадает с административной территорией Пудожского района, а в прошлом одноименного уезда.

Русский свадебный обряд Пудожья характеризуется богатством обрядовой поэзии, развитыми и, как правило, значительными по объему причитаниями, большим репертуаром песен, наличием приговоров дружки-вершника и различных приговорок других участников обряда. Ритуальная схема свадьбы Пудожья в целом такая же, как у многих народов Евразии, а по своим характерным чертам она близка к свадьбе Заонежья, что не раз отмечалось в литературе⁵.

Свадебная обрядность Пудожья включает следующие элементы: *сватовство*, *просватовство* (богомолье, рукобитье), «гулянье» жениха и невесты (поездки с «добровтом», зазывание «породы» на свадьбу), *посещение могил* умерших родственников, *девичью баню*, *свадьбу* (приезд жениха за невестой, застолье, расставание

⁵ *Колтакова Н.П.* Старинный свадебный обряд // Фольклор Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1941. С. 163–190; *Кузнецова В.П., Ложнов К.К.* Русская свадьба Заонежья. Петрозаводск, 2001. С. 15.

невесты с девичьей «волей»), *венчание*, «ужину» (застолье в доме жениха), *хлебины*. При сопоставлении местных вариантов, записанных в разных поселениях Пудожского края, обнаруживается значительная степень сходства в построении сценария обряда. Вариативность касается деталей обряда, ролей его участников, а также некоторых особенностей свадебного обрядового фольклора, в частности репертуара песен, некоторых особенностей причитаний⁶.

Существовало два варианта вступления в брак: свадьба сватовством и свадьба «уходом», когда девушка уходила из дома к своему избраннику тайком от родителей. Свадьбы играли в «скоромное время» между постами, преимущественно зимой. После Рождества Христова (7 января по новому стилю) начиналось великое межговежье – наиболее подходящее время для свадеб. Сватать начинали сразу после Крещения (19 января по новому стилю) и до мясного заговенья. В Масленицу, за неделю до Великого поста, свадеб уже не проводили.

При сватовстве придерживались традиционных обычаев: перед отправлением из дома садились за стол и ели хлеб-соль. Провожая сватов в дорогу, ворошили угли в жаратке, чтобы сватовство было удачным⁷, старались до каждого дотронуться сковородником, чтобы в доме невесты им нажарили пирогов, как было принято в случае удачного сватовства. В этих действиях отчетливо просматриваются представления о том, насколько важно было заручиться поддержкой домашних духов-«хозяев». *Наибольшему* или *старшему* свату закладывали в голенище женскую калашу, чтобы не отказали⁸. Для удачного сватовства отец брал с собой *сборник* жены – головной убор замужней женщины. В некоторых деревнях сборником хлестали сватов⁹. В Корбозере сваты надевали на себя

⁶ Кузнецова В.П. Локальные традиции свадебного обрядового фольклора Пудожья в севернорусском контексте // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной конференции «Рябининские чтения-2003». Петрозаводск, 2003. С. 58–60.

⁷ Свадебные обряды Пудожского уезда // ОГВ. 1853. 15 января.

⁸ Кофьрин Н. Указ. соч. // ОГВ. 1899. 3 ноября.

⁹ Научный архив КарНЦ РАН (далее – НА КНЦ). Кол. 18. Ед. хр. 43.

дубленые бараньи тулупы, не покрытые сукном¹⁰. Обычно сватали вечером «потайну». Как и в дороге на промысел, желательно было избегать встреч с другими людьми, поэтому сваты выбирали окольный путь. Если же кого-то встречали, то примечали: женщина к удачному сватовству, девушка – нет. В некоторых случаях сваты отправлялись искать невесту по деревням, не имея никого на примете. Если парень не находил себе невесту и период межговежня заканчивался, он оставался холостым до следующего года¹¹. В пудожских деревнях долго сохранялся отголосок древнего обычая на Масленной неделе катать неудачливых сватов на бороне.

При сватовстве соблюдались обычаи: войдя в дом невесты, вставать под матицу, под ней же садиться на лавку, класть рукавицы на воронец большим пальцем вверх. Это делалось для того, чтобы заручиться поддержкой домашних духов-«хозяев», «взять верх» в своем деле. Для родителей девушки чрезвычайно важным был совет с членами семьи и родственниками, которых собирали на *думу* во время сватовства. Характерной чертой была публичность сватовства, деревенское общество принимало в нем самое активное участие, мнение соседей играло большую роль и учитывалось родственниками девушки. Большое значение на сватовстве имел обмен подарками и деньгами. Жених должен был выплатить *возращёну* деньги за невесту и *качельную полтину* – небольшую сумму ее крестной матери. Со стороны невесты жениху вручались *залог*и – самые дорогие вещи из ее одежды. На сватовстве невеста вручала первые дары сватам и передавала подарки для будущих родственников. Обязательными элементами сватовства были *богомолье* и *рукобитье* (*руковитиё, рукоданье*), закреплявшие договор о брачном союзе между двумя родами. На сватовстве невеста начинала причитывать. Причитаниями сопровождалась все обрядовые действия вплоть до дня свадьбы, когда девушка расставалась со своей *девичьей волей*. Для исполнения причитаний приглашали *подголосницу*. В некоторых местах, например на Водлозере,

¹⁰ Колобов И.В. Указ. соч. С. 27.

¹¹ НА КНЦ. Кол. 144. Ед. хр. 2.

в Корбозерской волости подголосниц было две. Как правило, это были женщины, имевшие большой опыт проведения свадеб, знавшие порядок обряда и причитания. Они были своеобразными наставницами в этом деле, особенно для невесты.

Для пудожской свадебной обрядности характерен период *гулянья*, отделяющий сватовство от собственно свадьбы. Эта традиция существовала не во всех районах Русского Севера, в поморской традиции, например, она отсутствует. Это время, завершающее холостую жизнь жениха и девичество невесты. Гулянье предполагало катание на лошадях по своей волости, поездки невесты «с добровтом» к родственникам, а жениха с зазыванием родни на свадьбу. В этот период жених и невеста участвовали в молодежных развлечениях, среди которых главное место занимали *вечорки*, или *беседы*. Молодежные беседы с участием невесты и жениха отличались от обычных тем, что на них просватанная девушка исполняла причитания, главной темой которых было прощание с прежней девичьей жизнью. В доме невесты проводили особую *предсвадебную вечеринку*, на которую собиралась молодежь со всей волости, приезжали ближайшие родственники жениха, для которых готовили угощение. На предсвадебной вечеринке шаферам жениха вручались банты из лент, девушки, представлявшие сторону невесты, рассаживались попарно с парнями-шаферами от жениха, происходило взаимное приглашение в круг, все эти действия означали признание двух родов, их объединение.

Обязательным элементом предсвадебной обрядности было посещение невестой кладбища с тем, чтобы проститься с умершими и «получить» их благословение.

В обрядах предсвадебного периода один из самых значительных – это невестина баня. Этот обряд имел различные варианты, если рассматривать разные локальные традиции. Два наиболее различающихся варианта – это первый, когда баня проводилась со всеми соответствующими обычаями и с причитыванием; второй, когда невеста только подходила к бане в сопровождении девушек с причитыванием и с песнями, но реального обряда бани не было. Первый вариант характерен для деревень, расположенных

на Водлозере, Колодозере, для с. Песчаное, второй – для деревень на Купецком озере, входящих в Авдеевский сельсовет, для с. Нигижма. Как бы ни различались варианты проведения этого обряда, по всему краю он расценивался как акт расставания невесты с *девичьей волей*, поэтому причитания и содержание песен пронизаны мотивами прощания, оплакивания *воли*. При выходе из бани она символически «отправляла волю» в часовню или церковь, чтобы ее дорогая воля находилась под покровительством небесных сил¹². В бане (с. Песчаное) девушке привязывали *обереги*, которые должны были уберечь ее от «порчи» на свадьбе. Перед самой свадьбой жениха тоже водили в баню, где так же, как и невесте, привязывали различные обереги.

На свадьбу приглашали колдуна или колдунью, которые отправляли и встречали свадебный поезд. Помимо оберегов, которыми колдун снабжал жениха и невесту, он еще *отпускал* свадебный поезд. «*Отпуск*» был очень важен, поскольку он защищал свадьбу от «порчи», которую очень часто наводили колдуны. Колдунов на свадьбах угощали с особым почетом, дарили им подарки. Роль колдуна была особенно значительной на Водлозере.

Встреча жениха в доме невесты, празднование, расставание девушки с *волей* и составляли то, что имелось в виду, когда в Пудожье говорили о *свадьбе*. Свадьбу еще называли словом *поезд* (Салозеро, Колодозеро)¹³, а само застолье в доме невесты – *поёздный стол*¹⁴. В деревнях, расположенных вдоль восточного побережья Онежского озера, а также в районах Колодозера и Корбозера сначала встречали вершника. Это особый свадебный чин, ведущий свадьбы, обычно находчивый и остроумный человек, знавший приговоры и умевший на ходу импровизировать. Он следовал впереди свадебного поезда верхом. Вершник отличался особым нарядом: на шапку ему нашивали разноцветные ленты, к стремяни подвязывали колокольчик, через одно плечо невеста повязывала вышитое полотенце, через другое – рубаху в подарок.

¹² НА КНЦ. Кол. 23. Ед. хр. 10.

¹³ Там же. Кол. 140. Ед. хр. 355.

¹⁴ Там же. Кол. 73. Ед. хр. 57.

Для свадебной обрядности Пудожья характерен своеобразный элемент: дарение жениху свернутого особым образом платка, называвшееся *зайца носить*, или *заяц* (распространение: с. Песчаное, Колодозеро). В платок прятали кольцо, жених должен был ловко развернуть платок, не уронив кольцо. Платок от невесты преподносила женщина, которая «умела говорить», то есть знала слова приговора, сопровождающего вручение «зайца».

Кульминационным и самым драматичным моментом свадьбы было расставание невесты с «волей», когда ей расплетали косу. Невеста сопротивлялась расплетению косы, она причитывала в этот момент по-настоящему. Затем она с причитанием «отправляла волю» на четыре стороны света, уже окончательно лишаясь ее. После этого ее передевали, что соответствовало древним представлениям о перемене статуса.

Множеством различных примет сопровождалось венчание в церкви. В основном все эти приметы были связаны с положением супругов в новой семье (кто возьмет верх), загадывали на продолжительность жизни, количество детей и т.д. Все эти приметы говорят о том, что венчание воспринималось как начало совместного жизненного пути супругов, поэтому определенные действия и события имели значение предсказания. В это время действовала магия *начала*, магия первого. Столь же важное значение она имела при встрече молодых в доме новобрачного, когда совершались действия, направленные на их счастливую и богатую жизнь (встреча хлебом-солью, осыпание пером и зерном), угощение молодых при переходе через порог. Этими действиями выделялась в обряде граница домашнего пространства, совершалась магия приобщения новобрачной пары к дому, очагу, которая была предназначена и для материального благополучия новой семьи.

Новобрачную «крутили», то есть передевали, делали женскую прическу и надевали женский головной убор – повойник, или кокошу, нередко вместе с ними надевали и девичью поднизь – сетку. Во время застолья невеста дарила всем родственникам жениха подарки, гости отвечали тем же, зачастую заменяя подарок деньгами. Здесь вручались те самые дары, которые выражались еще при

сватовстве. Подарки получали все без исключения, даже дети, приходившиеся родней жениху. Это был самый значительный момент «ужины». Неоднократный обмен дарами на свадьбе имел большое значение, это был акт объединения двух родов, признания чужого рода своим.

Свадебную обрядность завершали «хлебины» – празднование, проводившееся в доме родителей молодой примерно через неделю после свадьбы. Молодая получала от своей семьи приданое – все полагавшееся ей имущество, в том числе корову и овцу. Снова молодая дарила подарки своим новым родственникам. В некоторых деревнях, как, например, в Песчаном, новобрачных водили в баню, где они снимали с себя все обереги.

Пудожская свадебная обрядность сохранила много древних элементов, которые в других районах уже претерпели различные изменения или были забыты. Например, отчетливо просматривается большое значение домашнего очага, он фигурирует практически во всех обрядах, начиная с просватовства. Четко выделяется семантика домашнего пространства, локусов, где происходит то или иное обрядовое действие – большой угол, печной угол, порог и т.д. Сохраняются в пудожской свадьбе и представления о важной роли умерших, с ними осуществляется общение посредством причитаний. Велика роль деревенского общества, общины, которая принимала активное участие во всех обрядах свадьбы. В значительной степени сохранились также магические элементы. Весьма интересен обряд девичьей бани, посещая которую девушка лишалась своей «воли». Некоторые особенности говорят о возможном влиянии финно-угорских племен-первонасельников. По-видимому, отсутствие приговорок дружки на Водлозере и доминирующая магическая функция дружки могут расцениваться как наследие дославянского населения этого края.

Вокруг Масленицы группируются обычаи, связанные с новобрачными. На неделе, называвшейся *зятницей*, *зятней неделей*, предпоследней до Масленой, зять приезжал с женой в гости к теще и гостил всю неделю. Теща его откармливала «как быка на убой». В субботу она топила баню, проставляла по дороге к ней «вехи» из

старых веников, чтобы зять не заблудился, поскольку предполагалось, что от жирной еды у него за неделю заплывут глаза.

На Масленой неделе в пятницу в г. Пудож из всех окрестных деревень съезжались сотни крестьян. Они становились в два ряда около главной улицы, которая шла от церкви до окраины города. По этой улице при стечении народа катались на лошадях все городские и деревенские молодые, повенчанные после Крещения. Им кричали из толпы: «Порох!», при этом молодые должны были поцеловаться. Мужики собирались на перекрестках улиц, поджидая молодых, и не пропускали их, требуя выкуп. Молодой должен был дать им денег на водку. Если толпа не получала выкуп, то сами поднимали на руках и опрокидывали.

На реке был обычай устраивать горку, на которую тоже съезжались молодые. Здесь также требовался выкуп, иначе салазки с парочкой спускали с горы кувырком. Если же в толпе находился неудачливый сват, то его силой сажали на борону и отправляли по горе.

На второй неделе Великого поста, во вторник в одну из деревень недалеко за городом собирались на беседу из окрестных деревень молодухи с мужьями. Женщины рассаживались на лавки и пряли лен. Время от времени они выходили в клеть переменить свой наряд. Каждая молодуха наряжалась во все свои сарафаны, платья, комплекты. В избу набивалась масса народа, мужья обычно стояли ближе к дверям и слушали суждения зрителей по поводу нарядов их жен. Судили прежде всего старухи, дававшие оценку молодым. Судьи на такие смотрины выбирались раз и навсегда деревенским обществом. «В 1886 году представлялась необходимость выбрать новых судей из старейших баб, но не удалось сделать выбора. Вовремя наехали власти, как духовные, так и светские, и положили конец этому обычаю, существовавшему в окрестностях г. Пудожа с глубокой старины»¹⁵. О подобном обычае сообщает и другой источник, только в нем говорится о том, что беседы устраивали молодые у себя на первой неделе Великого поста

¹⁵ К-на. Из свадебных обычаев Пудожского уезда // ОГВ. 1896. 5 июня.

с участием большого количества посторонних зрителей. На этой беседе молодая демонстрировала все имевшиеся у нее наряды, появляясь перед зрителями то в одном, то в другом. Оценщиками ее достоинств были несколько бойких женщин, называвшихся в Пудже «исправником», «становым» или «городничим». Эти женщины пользовались непререкаемым авторитетом, и новобрачная старалась угодить им хорошим угощением, чтобы они не высказали в ее адрес чего-нибудь такого, над чем потом смеялись бы в городе¹⁶. Впоследствии эти беседы стали искореняться духовенством и преследоваться полицией, и обычай их проведения исчез. Он существовал еще в конце XIX в. На этих беседах происходили испытания молодой, она должна была показать свое мастерство в прядении льна, рукоделиях, оценивалась ее готовность к роли жены, хозяйки. Выдержав испытание, она получала признание деревенского общества.

На Пасху в течение нескольких лет теща дарила зятю большое количество яиц. Чем теща была богаче, тем и яиц было больше, от ста до трехсот. Яйца накапливались в течение Великого поста и даже заблаговременно закупались для такого случая на ярмарке в Каргопольском уезде.

¹⁶ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 32. Д. 126. Л. 10 об.

